

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
В38

EDUCATED
Tara Westover

© 2018 by Second Sally, Ltd.

Вестовер, Тара.

В38 Ученица: предать, чтобы обрести себя / Тара Вестовер ;
[пер. с англ. Т.О. Новиковой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-096931-9

У Тары странная семья.

Отец готовится к концу света — консервирует персики на случай
массового голода и скупает оружие, которым можно уничтожить це-
лую деревню.

Мать лечит ожоги и раздробленные кости настойкой лаванды,
а братья и сестры не ходят в школу и работают на свалке.

Тара знает, как обращаться с винтовкой и управлять строитель-
ным краном, но с трудом может читать и писать.

Но однажды ее жизнь меняется. Втайне от родителей Тара гото-
вится к поступлению в колледж...

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-096931-9

© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Посвящается Тайлеру

«Прошлое прекрасно, потому что никто не понимает свои чувства сразу же. Осознание приходит позже. Поэтому мы во власти не настоящего, только прошлого».

Вирджиния Вулф

«Я наконец поверил, что образование должно являться продолжающейся реконструкцией опыта. Процесс и цель образования — это одно и то же».

Джон Дьюи

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	9
ПРОЛОГ	10

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ИЗБИРАТЬ ДОБРОЕ	15
2. ПОВИТУХА	28
3. КРЕМОВЫЕ ТУФЛИ	44
4. ЖЕНЩИНЫ АПАЧЕЙ	55
5. ЧЕСТНАЯ ГРЯЗЬ	68
6. НАДЕЖНЫЙ ЩИТ	87
7. БОГ СПАСЕТ	106
8. МАЛЕНЬКИЕ БЛУДНИЦЫ	118
9. НЕПОРОЧНЫЙ В РОДЕ СВОЕМ	129
10. ЩИТ ИЗ ПЕРЬЕВ	141
11. ИНСТИНКТ	149
12. РЫБЬИ ГЛАЗКИ	158
13. ЖЕНЫ ВАШИ В ЦЕРКВАХ ДА МОЛЧАТ	169
14. МОИ НОГИ НЕ КАСАЮТСЯ ЗЕМЛИ	183
15. БОЛЬШЕ НЕ РЕБЕНОК	197
16. НЕВЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК, НЕПОКОРНЫЕ НЕБЕСА	212

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

17. ЧТОБЫ СВЯТИТЬ ЕГО... ..	227
18. КРОВЬ И ПЕРЬЯ	238
19. В НАЧАЛЕ	249

УЧЕНИЦА

20. РАССКАЗЫ ОТЦОВ	259
21. ШЛЕМНИК	269
22. ЧТО МЫ ШЕПЧЕМ, А ЧТО КРИЧИМ	275
23. Я ИЗ АЙДАХО	290
24. РЫЦАРЬ СТРАНСТВУЮЩИЙ	303
25. АДСКИЙ ОГОНЬ	315
26. ОЖИДАНИЕ ДВИЖЕНИЯ ВОДЫ	325
27. ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ЖЕНЩИНОЙ	331
28. ПИГМАЛИОН	341
29. ВЫПУСК	355

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

30. РУКА ВСЕМОГУЩЕГО	369
31. ТРАГЕДИЯ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ФАРС	383
32. СВАРЛИВАЯ ЖЕНА В ПРОСТРАННОМ ДОМЕ	396
33. МАГИЯ ФИЗИКИ	403
34. СУТЬ ВЕЩЕЙ	410
35. НА ЗАПАД СОЛНЦА	418
36. ЧЕТЫРЕ ДЛИННЫХ ВРАЩАЮЩИХСЯ РУКИ	427
37. ИГРА РАДИ ИСКУПЛЕНИЯ	439
38. СЕМЬЯ	450
39. НАБЛЮДАЯ ЗА БУЙВОЛОМ	458
40. ОБРАЗОВАННАЯ	467
БЛАГОДАРНОСТЬ	470
ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ	472
ОБ АВТОРЕ	475

ОТ АВТОРА

Эта история не о мормонстве. И не о других религиозных убеждениях. В ней вы встретитесь с самыми разными людьми, верующими и неверующими, добрыми и недобрыми. И автор не собирается проводить никаких аналогий — ни порицать, ни возносить.

Эти имена — просто псевдонимы: Аарон, Одри, Бенджамин, Эмили, Эрин, Фэй, Джин, Джуди, Питер, Роберт, Робин, Сэди, Шеннон, Шон, Сьюзен, Ванесса.

ПРОЛОГ

Я стою на заброшенном красном железнодорожном вагоне, который примостился возле амбара. Воеет ветер, волосы хлещут по лицу, холодок пробирается сквозь растегнутый ворот рубашки. Облака стремительно несутся над горой, и кажется, что это дыхание пика. Внизу лежит мирная, уютная долина. А ферма наша танцует: медленно раскачиваются тяжелые ели, полынь и чертополох трепещут, склоняясь под каждым порывом ветра. За мной тянутся покатые холмы, подбираясь к основанию горы. А вверху я вижу темные очертания Принцессы Индейцев.

Холм сплошь порос дикой полбой. Если ели и полынь — солисты, то полба — кордебалет. Каждый стебелек вторит движениям, миллион балерин склоняются одна за другой под сильным ветром, который треплет их золотистые головки. Порыв длится лишь мгновение, и в эту минуту я могу увидеть ветер.

Я поворачиваюсь к нашему дому на склоне холма и вижу какое-то движение. Высокие тени упрямо борются с порывами ветра. Мои братья проснулись и проверяют погоду на дворе. Я представляю, как мама хозяйничает у плиты, переворачивая оладьи с отрубями. Отец согнулся у задней двери — он зашнуровывает ботинки

ПРОЛОГ

со стальными носами и натягивает на мозолистые руки тяжелые краги. Внизу на дороге появляется школьный автобус — и проезжает мимо, не останавливаясь.

Мне всего семь, но я понимаю, что именно это делает нашу семью особенной: мы не ходим в школу.

Отец беспокоится, что правительство заставит нас учиться, но оно не может этого сделать, потому что не знает о нас. У моих родителей семеро детей, и у четверых нет свидетельства о рождении. У нас нет медицинских карточек, потому что мы родились дома и никогда не видели ни врача, ни медсестры¹. У нас нет школьных дневников, потому что мы никогда не были в школе. Когда мне исполнится девять, я получу «отсроченное свидетельство о рождении», но сейчас для штата Айдахо и федерального правительства меня не существует.

Конечно, я *существовала!* Я росла, готовясь к Дням отвращения, наблюдая, как темнеет солнце и поднимается Луна, словно налитая кровью. Летом я собирала персики, а зимой перебирала наши припасы. Когда мир людей погибнет, моя семья этого даже не заметит — мы будем жить дальше, словно ничего не случилось.

Я училась по ритмам горы. Их изменения никогда не были фундаментальными, всего лишь циклическими. То же самое солнце каждое утро поднималось, проходило свой путь над долиной и скрывалось за пиком. Выпавший зимой снег каждую весну таял. Сама наша жизнь была циклом — циклом дня, циклом времен года — кру-

¹ Кроме моей сестры Одри: в детстве она сломала руку и ногу, и ей пришлось наложить гипс.

УЧЕНИЦА

гом вечных изменений, которые, завершаясь, лишь подтверждали, что ничего не изменилось. Я верила, что моя семья — часть этого бессмертного круга, что мы в определенном смысле вечны. Но вечной была только гора.

Отец часто рассказывал нам о горе. Она была огромной и древней — настоящий собор. В горном массиве были и другие вершины, выше и красивее, но Олений пик был самым изысканным. Его основание тянулось на целую милю. Темная гора словно вырастала из земли и превращалась в безукоризненный шпиль. Издалека она напоминала женскую фигуру: ноги — это огромные расщелины, волосы — сосновый лес, покрывавший северный хребет. Женщина-гора была очень сильной — она решительно выставляла ногу вперед: скорее выпад, чем шаг.

Мне всего семь, но я понимаю, что именно это делает нашу семью особенной: мы не ходим в школу.

Отец называл ее Принцессой Индейцев. Она появлялась каждый год, когда начинал таять снег. Лицо ее было обращено на юг. Принцесса смотрела, как буйволы возвращаются в долину. Отец говорил, что по ее появлению индейцы-кочевники понимали, что пришла весна: снег на горе начинал таять, зима кончалась, можно было возвращаться домой.

Отец говорил только о горе и нашей долине, о нашем крохотном кусочке Айдахо. Он никогда не рассказывал мне, что делать, если я покину гору, пересеку океаны и континенты и окажусь в чужой стране, где на горизонте не будет Принцессы. Он никогда не говорил мне, как понять, что настало время возвращаться домой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

ИЗБИРАТЬ ДОБРОЕ

Самое яркое мое воспоминание вовсе не воспоминание. Я придумала это, а потом запомнила, словно все случилось в действительности. Воспоминание это появилось, когда мне было пять, накануне моего шестого дня рождения. Отец рассказывал нам свои истории, и они были настолько подробными, что у нас с братьями и сестрой в голове возникали настоящие фильмы с выстрелами и криками. В моем фильме были сверчки. Их пение я слышу, когда мы все жмемся друг к другу на кухне с погашенным светом — прячемся от федералов, которые окружили дом. Женщина тянется за стаканом воды, и ее силуэт освещает луна. Звучит выстрел, словно щелчок хлыста. Женщина падает. В моих воспоминаниях всегда падает мама — мама с малышом на руках.

Не знаю, откуда взялся малыш — я была младшей из семерых детей. Но, как я уже говорила, ничего такого на самом деле не было.

Через год после того, как отец рассказал эту историю, мы вечером собрались вокруг него, а он читал нам о пророчестве Исаяи о Еммануиле. Он сидел на диване

УЧЕНИЦА

горчичного цвета, на коленях его лежала большая Библия. Рядом сидела мама, а мы все устроились у их ног на потрепанном коричневом ковре.

— Он будет питаться молоком и медом, — низким голосом монотонно читал отец, уставший от тяжелого дневного труда, — доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе...

Повисла тяжелая пауза. Мы сидели очень тихо.

Отец не был высоким, но умел приковывать к себе внимание. В нем чувствовалась внутренняя сила, торжественность оракула. Своими тяжелыми и мозолистыми руками — руками человека, который всю жизнь тяжело трудился, — он крепко держал Библию.

Отец прочел строку из Библии второй раз, третий, четвертый... С каждым разом голос его возвышался. Глаза, совсем недавно тусклые от усталости, расширились и заблестели. Он нес нам Слово Божие. Он был посланцем Господа.

На следующее утро отец выкинул из холодильника все молоко, йогурт и сыр, а вечером привез домой пятьдесят галлонов меда.

— Исайя не сказал, что есть худое, молоко или мед, — сказал он, с улыбкой наблюдая, как мои братья выгружают белые бочки из грузовика. — Но если спросишь, Господь ответит!

Когда отец прочитал этот стих своей матери, она рассмеелась ему в лицо.

— У меня в кошельке есть несколько пенни, — сказала она. — В них больше здравого смысла, чем в твоей голове.

ИЗБИРАТЬ ДОБРОЕ

Бабушка была худой и угловатой. Она обожала фальшивые индейские украшения из серебра и бирюзы. На ее худой шее висели бесчисленные ожерелья, а пальцы были унизаны кольцами. Бабушка жила у подножия холма возле дороги, и мы звали ее Ба-под-холмом. Так мы отличали ее от маминой мамы, Ба-из-города, жившей в пятнадцати милях к югу, в единственном городе нашего округа с одиноким светофором и продуктовым магазином.

Отец и Ба-под-холмом напоминали двух кошек, связанных хвостами. Они спорили дни напролет, ни в чем не уступая друг другу, но их объединяла преданная любовь к горе. Отцовская семья жила у подножия Оленьего пика уже полвека. Дочери бабушки вышли замуж и уехали, а он остался. Отец начал строить скромный желтый дом на вершине холма у подножия горы, но так и не достроил. Он устроил настоящую свалку — одну из множества — рядом с ухоженным бабушкиным газоном.

Они каждый день ссорились — из-за этой свалки, но чаще всего из-за нас, детей. Бабушка считала, что мы должны ходить в школу, а не «носиться по горам, словно дикари». Отец же твердил, что школа — это заговор правительства, направленный на то, чтобы отдалить детей от Бога.

— Послать детей в школу — все равно что отдать в руки самого дьявола, — отвечал он.

Бог велел делиться откровениями с людьми, жившими и трудившимися в тени Оленьего пика. В воскресенье почти все собрались в церкви рядом с дорогой, небольшой часовне светло-коричневого цвета с маленьким скромным шпилем, характерным для мормонских церквей.

УЧЕНИЦА

Отец подождал, пока мужчины рассядутся по скамьям, и начал со своего двоюродного брата Джима. Он размахивал Библией, объясняя всю греховность молока, а Джим спокойно слушал. В конце концов Джим усмехнулся, хлопал отца по плечу и сказал, что ни один разумный Бог не лишит человека домашнего клубничного мороженого в жаркий летний день. Жена Джима потянула его за рукав. Когда он проходил мимо нас, я уловила легкий запах навоза и вспомнила: Джим был хозяином большой молочной фермы в миле к северу от Оленьего пика.

Как только отец начал свой крестовый поход против молока, бабушка буквально забила молоком свой холодильник. Они с дедом пили только снятое молоко, но теперь у них появилось любое — двухпроцентное, цельное, даже шоколадное. Бабушка считала, что

Отец твердил, что школа — это разговор правительства, направленный на то, чтобы отдалить детей от Бога.

теперь нужно поступать только так.

Завтрак превратился в испытание преданности. Каждое утро моя семья усаживалась вокруг большого стола из красного дуба и принималась за еду: либо хлопья из семи злаков с медом и патокой, либо оладьи из семи злаков с тем же медом и патокой. В нашей семье было девять человек, поэтому оладий никогда не хватало на всех. Я ничего не имела против хлопьев, если бы их можно было залить молоком, размочить как следует и прихлебывать из тарелки. Но после откровения нам приходилось заливать их водой. Все равно что целая тарелка грязи.